

Нефтяная Венера (сборник)

Автор:

Александр Снегирёв

Нефтяная Венера (сборник)

Александр Снегирёв

«Юноша и девушка, едва перешагнув пубертатный возраст, полюбили друг друга. На девушке это соответствующим образом сказалось – она понесла и родила ребенка-дауна. Влюбленные в ужасе – психическая травма, истерика, раздор. От ребенка они отказываются – никто не согласен жертвовать своей молодой, ничем не примечательной, но все-таки единственной жизнью ради безнадежно больного отпрыска. В результате родители юноши берут внука-дауна на воспитание. ...Главное же, что происходит и захватывает читателя в книге, – процесс очеловечивания главного героя через общение с капризным, обидчивым, неполноценным и, в общем-то, нечеловеческим (но при этом все-таки родным) существом Ваней. И Ваня при этом тоже очеловечивается. Очеловечивается, не меняясь, – метаморфозу претерпевает не персонаж, а отношение к нему читателя, в чьем сознании автор производит явственный сдвиг. ...Роман сильный. Очень сильный».

П. Крусанов

Александр Снегирёв

Нефтяная Венера

© Топорова А., послесловие, 2016

© Снегирёв А., текст, 2016 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Моей семье

Римме Казаковой

Спасибо Ольге Столповской за помощь в работе

Часть 1

- Ха-мам под ключ, - читает по слогам Ваня, глядя в окно. Мы проезжаем мимо ангаров, увешанных рекламой. Чтобы успеть за вывеской поймать улетающие буквы, Ване приходится расплющить физиономию о боковое стекло.

- Что такое ха-мам?

- Баня турецкая.

- Ха-мам, ха-мам, хамам! - Ваня принаравливается к новому слову, твердит его без остановки.

- А что значит «под ключ»?

- Они целиком построят хамам и выдадут ключ. А тебе надо будет только там париться. В этом хамаме.

- В хамаме, - повторяет Ваня. - Хамама!

Слово его смешит, он пробует его, произносит на все лады. Тонким голосом, басом, растягивая звуки или, наоборот, скороговоркой:

- Хамама, ха-а-а-м-а-а-м-м-м-а-а-а, хмама!

Шофер «Газели» делает радио погромче. Ваня принимает вызов:

- Хамам, хамам, хамам!!! – орет он, перегибаясь через меня к шоферу.

- Хамам, – пискляво кривляюсь я в ответ, оттянув пальцами уголки глаз. Типа я китаец.

- Хамам! – зловеще трубит Ваня мне в лицо, сделав большие глаза.

- Слышь, потише! – рявкает наконец шофер, собираясь сплунуть, но не сплевывает.

Корчу гримасу, будто ужасно испугался, Ваня хохочет. Оставшийся путь преодолеваем без приключений. Вот уже и старый забор нашей дачи.

- Остановите здесь, – говорю шоферу. – Земля не промерзла, застрянем.

- Открывай ворота, – раздраженно буркает шофер.

Мы вполне можем донести вещи от «Газели» до дома, не заезжая на влажную лужайку. Хоть и начало декабря, но погода апрельская.

- Застрянем!

- Сам разберись! – Мы в глазах шофера два ни на что не годных идиота. Куда нам знать, проедет он или нет.

- Не надо ехать, колёфа будут букфовать, – вмешивается Ваня, теребя ухо и глядя вниз и в сторону. Он всегда шепелявит, когда волнуется.

Шофер издает глухое рычание. Я пожимаю плечами.

– Ладно, Вань, дяде виднее...

Ваня находит ручку, тянет ее на себя, дверца открывается. Пыхтя, он вываливается из кабины.

– Мокро!

– Вот тебе ключ, отпирай дом.

Эти шоферы грузовиков люди особые, никто им не указ. Помню, я был ребенком и родители заказали грузовик – перевезти старую мебель. Водила не послушал моего отца, пришлось вызывать трактор, чтобы его вытащить. Лет пять назад, когда ремонтировали фундамент, «КамАЗ» с песком приехал прямо во время дождя, вопреки предупреждениям, и застрял до вечера. Пришлось откапывать все четыре колеса, следы колеи видны до сих пор.

Снимаю холодный замок с ворот. «Газель» катит поперек участка к дому. У самой веранды забуксовывает. Шофер газует. Колеса прокручиваются.

«Еще один умник», – я не спеша прохожу мимо.

Шофер выскакивает из кабины, оглядывает колеса, увязшие на треть в сырой земле.

– Сначала разгрузимся, потом будем тебя вытаскивать, – пришло мое время командовать. Я оплачиваю доставку и разгрузку.

Совершив долгожданный плевок, шофер откидывает тент. Кое-какая мебель из бабушкиной квартиры. Две старые разобранные темно-коричневые кровати, большое мутное трюмо со сколом, табуретка, торшер и румынский полированный комод с выдвигающимися ящиками. Взяв спинку кровати, поднимаюсь по ступеням, пересекаю веранду. Ваня все еще возится с входной дверью.

– Пап, замок сломался!

– Дай-ка мне, – поставив спинку кровати на пол, наваливаюсь на дверь плечом, поворачиваю ключ. – Прижать надо чуть-чуть.

С этой дверью и раньше возникали проблемы. Помню, как приехал сюда с подружкой. Предполагался романтический уик-энд. Однако наши планы чуть не рухнули, пол на веранде перекосило, широкая доска выперла выше уровня порога, и дверь перестала открываться. Пришлось два дня лазать через окно. Впрочем, мы спальню особенно и не покидали. Теперь такое не случится, родители отремонтировали фундамент, пол больше не перекашивается. Просто дверь старая, своенравная.

Заходим в прохладную темную комнату. Резкий яблочный запах. В сентябре мы с Ваней разложили урожай на полу, теперь возим понемногу в город.

– Открывай ставни, – руковожу я.

Протискивается шофер, обхвативший руками румынский комод.

– Куда ставить?

– Сюда, – киваю на место у стены, под выцветшей репродукцией Ренуара.

Голая «пышка» сидит на разбросанной постели вполоборота к зрителю. Все цвета, кроме синего, выгорели еще до моего рождения. Синяя краска в советских типографиях была самой стойкой. Странно, что не красная. Не могли производство стойкой краски идеологически правильного цвета наладить. Из-за таких мелочей Союз и рухнул. Лицом и прической «пышка» напоминает мать, ребенком я считал, что это ее портрет. Накатывают воспоминания, но я их быстро блокирую в воображаемом бетонном мешке, как радиоактивные отходы, и бросаю в воображаемую же пропасть.

Минут за десять мы с шофером перетащили весь груз в дом. Я расплатился, и он вернулся к «Газели» решать, как выбраться из раскисшей земли.

Сам виноват... Только лужайку разворотил.

Вани нигде не видно. Одна из голубых ставень приоткрыта, остальные – нетронуты. Сбежал, пока мы разгружались. Опять торчит у дороги, подбирает всякую всячину. Обочина как берег моря – всегда есть шанс что-нибудь найти. Осколки фар, колпаки от колес, а если повезет – даже целехонькое боковое зеркало. У Вани уже собралась внушительная коллекция. Он настаивает, чтобы переправить ее в городскую квартиру, а я делаю все, чтобы находки оставались здесь, в дачном сарае.

Я щелкаю шпингалетами окон, дергаю на себя слипшиеся рамы, отпираю замки на ставнях, толкаю створки. Земля заштрихована сухими травами. Сороки сверкают темно-синими шелковыми перьями и белыми манишками. У соседского забора торчат несколько засохших дудочников ростом с человека. У каждого дудочника один большой венчик-голова и венчики-руки по бокам. Дудочники напоминают старых дружков, кинувшихся навстречу друг другу с распростертыми объятиями. Стволы сосен и осин дышат бархатной влагой. Они будто вырезаны из ворсистой бумаги и наклеены на пейзаж. Летом деревья высохнут на солнце, порыжеют, обнаружат морщины и трещины, станут похожи на людей, расставшихся с юностью. Но пока они, перепутав зиму с весной, еще нежны и ранимы.

В другом окне покосившийся сарай с приставленной к стенке лестницей. Овраг, за которым расположен любимый Ваней поворот дороги, зарос ивами. Ветви сливаются в дымку. Прямо перед домом – «Газель», зарывшаяся носом в грунт.

Ставлю чайник, принимаюсь растапливать печку. В доме паровое отопление, но без огня дача не дача. Любуясь на разгорающееся пламя, вижу на одном из поленьев мечущегося паучка. Бедолага, затаился в щели, а теперь пытается выбраться. Хочу выдернуть полено с паучком из топки, но он вдруг ныряет в самое пекло.

Спускаются ранние зимние сумерки. Буксы «Газели» звучат отчаянно. Насытившись мстительным удовлетворением, выхожу помочь.

– Не идет?

– Скользит, падла! Резина летняя. Как по соплям.

– Кирпичи надо подкладывать...

– Деревяшки лучше, – шофер принимается запихивать под колеса чурки из поленницы. Заводит мотор. Я знаю, без кирпичей не выберешься. Колеса прокручиваются, чурки такие же скользкие, как земля.

– Домкрат в землю уходит... – жалуется шофер.

– Доску подложи...

С этими упертыми водилами волей-неволей станешь спецом по вытаскиванию грузовиков из грязи. Особого ума не надо, просто дело не терпит спешки. Если бы шофер поднял сразу все четыре колеса, а не только задние, и подсунул бы под них кирпичи, а не скользкие березовые поленья, то уже катил бы домой.

Впервые за весь день он слушает моего совета, заползает с домкратом под брюхо еще глубже погрузившейся в землю «Газели». Я подтаскиваю несколько кирпичей, сложенных аккуратно в стороне. Много лет назад их привезли с развалин церкви. Кирпичи крупные, с налетом трехсотлетней извести, точно итальянские хлебы, обсыпанные мукой.

Мимо проскочил Ваня с какой-то рамкой. Размером в полтора обыкновенных листа для принтера. Вряд ли это очередное сокровище, выброшенное волнами автомобильного движения. Небось на помойке в овраге нашел.

– Чаю попей! – крикнул я вдогонку.

Колесо поднялось над грязной, прокрученной ямкой. Пальцы замерзли, будто в них вонзили множество тупых игл. Куртку я снял, проще работать. Ветер задувает под свитер. Смотрю на небо. Уже много дней оно затянуто серой пеленой, и вот вдруг пелена рассосалась. В просвете над лесом плавится розовое закатное озеро с золотой каймой.

– Рука! – крикнул шофер.

Я едва успел отдернуть руку. Домкрат сорвался. Колесо разломило пополам кирпич.

Сверху доносится нарастающий гул. Пузо самолета, то появляющегося, то исчезающего, словно рыбина, в низких рваных облаках, окрашено золотистыми лучами. Раньше я часто летал на самолетах, смотрел на малюсенькие домики внизу. Теперь я сам внизу, копаюсь обледенелыми пальцами под чужим грузовичком, а там, в салоне, пассажиры усердно сглатывают, чтобы не заложило уши, ждут, когда подадут ужин, предвкушают отпуск, переговоры, покупки, измены, встречи с любимыми.

- Опускай!

Шофер расслабил домкрат, «газель» грузно опустилась на кирпичи. Некоторые треснули.

Темные небесные льды сомкнулись над полыхающим озером. Со стороны дороги донесся звук сирены.

- Готово! - зачем-то прокричал шофер с заискивающей радостью.

- Заводи!

Упираюсь руками в забрызганный бампер.

- Раз, два, взяли, - команду сам себе. Мотор взревел, грузовичок качнулся, рванул и выкатил за ворота.

- Ну, пока! - Я махнул на прощание опустевшей улице и тотчас смутился своей сентиментальности. Огляделся, не видел ли кто, как я прощался с шофером, а он мне даже не погудел. Никого. Я запер ворота и, отряхивая ладони, вернулся в дом.

Ваня возился с чем-то у стены. Полоска света пробивалась из приоткрытой двери в туалет.

- Иван, чего в темноте сидишь?

- На картину смотрю.

– На какую картину? – гадая, что за фантазия пришла ему в голову на этот раз, встаю за его спиной, положив руку на плечо.

К белому пузатому холодильнику прислонена рамка, притащенная с улицы. В рамке изображение.

Я щелкнул выключателем. Три стакана-абажура вспыхнули теплом.

Обнаженная блондинка, страстно изогнувшись, изобразив на запрокинутом лице наслаждение, поливает себя из красной канистры черной жидкостью. Видимо, нефтью. Нефть бежит по ее полураскрытым губам, пышной груди, пупку, капает с лобка, струится по длинным ногам в красных туфлях на шпильке. За спиной блондинки несколько березок и нефтедобывающих вышек. Над головой этой Венеры парит нимб из золотой колючей проволоки. Глаза заведены к небу.

Еще недавно картина была обернута полиэтиленовой пленкой. Ваня прорвал в пленке большую дыру, но до конца не снял. В местах надрыва оберегавшие картину прозрачные «мышцы» скукожились и дрябло свисают. Я оттянул пленку в правом нижнем углу. Витиеватая подпись латинскими буквами – George Sazonoff.

– Живопись! – гордится Ваня. – Смотри, какое стеклышко я нашел!

Декабрьский подмосковный вечер, я стою посреди гостиной нашего дачного дома и рассматриваю картину, писанную модным художником, которую приволок невесть откуда мой пятнадцатилетний сын-даун.

* * *

Тем июньским утром мама вызвала меня, чтобы я срочно отвез ее в город на УЗИ. Все мамины дела имели статус срочных. А тут еще и маятник подсказал. Маятник, обручальное кольцо на нитке, отвечал на любой вопрос. С маятником мама советовалась всегда. Если кольцо крутилось по часовой стрелке – значит, «да», против часовой – «нет». В тот раз маятник «сказал» – срочно делать УЗИ. Срочно! Типа у нее опухоль.

Машина катилась по вьющемуся через деревни шоссе, я думал о скором отъезде. Сяду в широкое кресло бизнес-класса, вытяну ноги и полечу. Мне достался отличный заказ – оформление виллы русских богачей в Майами. Влажный субтропический климат, огромный дом с причалом, цветущие заросли, густой газон. До вылета оставалось пять дней. В паспорте двухгодичная штатовская виза, распечатка билета в бардачке.

Размышляя о ближайшем будущем, я не заметил, как доехал и уже скоро катил по нашему поселку среди старых дач и новых дворцов. А вот и родной забор из штакетника. Слои краски пузырятся и лезут друг из-под друга. Забор похож на пьяную компанию: один столб кренится вправо, другой влево, а третий выперло в какую-то давнюю зиму, и он вовсе лезет ввысь.

К воротам подбежал радостный Ваня. Точно медвежонок в вольере, которому служитель зоопарка принес еду.

– Привет! Привет! Привет!

– Здравствуй, сможешь открыть?

Ваня попытался распахнуть створку ворот, но она просела и цеплялась о землю.

– Следует приподнять, – объяснил Ваня самому себе и, кряхтя, стал дергать створку вверх.

Сообща мы открыли путь моему «Фольксвагену».

– Можно с тобой? – спросил Ваня, весь горя желанием прокатиться.

– Садись.

Устроившись на соседнем сиденье, он принялся копать под ним в поиске рычажка. Сиденье было отодвинуто слишком далеко, у Оли длинные ноги. Я тронулся.

– Стой, я не пристегнулся! – завопил Ваня.

- Тут ехать два метра.

- Непристегнутых штрафуют!

Пришлось затормозить, помочь Ване найти гнездо для ременной застёжки, придвинуть сиденье, чтобы ему было комфортно.

Только собрался сняться с ручника, как он потребовал музыку. Не двинулись с места, пока не нашли песню про любовь девчонки к тореро. Громкость Ваня выкрутил до упора.

- Как дела на работе? - проорал он, перекрикивая певицу.

Чтобы не сорвать голос, я показал большой палец. Не люблю семейные расспросы о работе. А у Вани еще манера интересоваться всем, как у матери. Интересоваться и давать советы. Вот и она.

Отстегнул Ванин ремень, выбрался на траву.

- Привет, мам, - поцелуй в прохладную щеку. Мать состарилась. Морщины, осанка.

- Привет. - Она простужена и явно не в настроении, лицо напряженное, недовольное. Нос заложен.

Со ступеней веранды спустился отец. Крепкий мужик с седым «ежиком». Давным-давно друг подарил ему свои штаны цвета хаки из Афгана. На даче отец из этих штанов не вылезал, отчего походил на бравого отставника.

- Привет, пап, - папина щека уколола щетиной. Как в детстве, когда он целовал меня перед сном. Только вместо нежной детской щечки я ответил ему своей колючей.

- Как здоровье? - спросила мама.

- Нормально.

– Горло открыто, простудишься! – мать запахнула расстегнутый ворот моей рубашки.

Оттолкнул ее руку. С детства испытываю омерзение от беспокойных пальцев у моего горла.

– Страницу двести читаешь?

Недавно она снабдила меня необычным молитвенником из какого-то древнего храма. В современном издании, конечно. На странице двести содержится особо важная, по ее мнению, молитва. «Я не заставляю плакать других, не отнимаю молока у ребенка, слушаюсь родителей во всем». В книге вместо «родителей» было напечатано другое слово, мама его тщательно зачеркнула. Я долго смотрел на просвет и определил: «Слушаюсь Бога во всем».

– Читаю.

– Правда читаешь или только мне так говоришь? – наседала мать.

Под родителями она подразумевала себя.

– Галь, ну не начинай опять... – отец тронул ее за локоть.

– А ты не лезь!

Чтобы ухаживать за Ваней, мама бросила работу, увлеклась религиями, гаданиями и разговорами с Высшими Космическими Силами. Ответы этих самых сил передавал маятник. До недавних пор она переводила деньги целителю Семенкову за то, что тот «дистанционно лечил» Ваню. Свела знакомство с ясновидящей Ириной, бывшим бухгалтером. Историю жизни этой самой ясновидящей мама часто пересказывала с благоговением: «У Иры мать – ведьма. Когда Ира отказалась тоже стать ведьмой, мать навела на нее черномагические программы и чуть не убила. Ира перенесла клиническую смерть, но выжила. Там, – мать показывала пальцем в неопределенном направлении, – Ира разговаривала с Иисусом Христом. Он сказал, что ей рано умирать, у нее есть миссия на Земле...»

– О, какие у вас качели! – с преувеличенным восторгом воскликнул я, чтобы сменить тему. Ваня тут же плюхнулся на них, принялся раскачиваться, демонстрируя достоинства качелей.

– Мне маятник сказал, что на тебя навели порчу, – сообщила мать под визгливый аккомпанемент качельных болтов. – Я тоже в молодости ни во что не верила. Только Бог может помочь. Молись Богу. У тебя грехов много. Я уже сняла с тебя четыреста грехов из прошлых жизней, чищу твою карму, но ты сам тоже должен молиться.

– Мам, я молюсь.

– Весь в отца! Ни во что не веришь! У тебя здоровье из-за этого плохое, все лицо в прыщах!

– В каких прыщах?.. – Я машинально ощупал щеки.

– Ну не сейчас, так раньше, – буркнула она и отвернулась. – Я определила твои грехи из прошлых жизней: прелюбодеяние, предательство... И все потому, что ты в Бога не веришь!

– Да откуда ты знаешь, верю я или не верю?!

Ваня спрятался на веранде, закрыв уши ладонями.

– Молиться надо! Уважаемый Иисус Христос, помогите мне, пожалуйста... и так далее! Ты молишься?!

– Да пошла ты!

– Федь, не груби матери! – Лицо отца потемнело. Отсутствие выдержки мне досталось от него.

Замахав руками, я пошел в сад. Мимо старой теплицы, превращенной в беседку. Мимо грядок моркови, парника с помидорами. Мимо корявых яблонь, кора на них шелушится так же, как краска на заборе и на голубых ставнях дома. За яблонями сосны и осины. Шершавые, морщинистые стволы. Точно кожа на лицах

хозяев.

Пинаю первое, что попадает. Игрушечный железный грузовичок. Он влетает в стекло теплицы. Звон. Палец на ноге ушиб... Злость мигом прошла. Потираю ногу, сажусь на корточки, беру грузовичок на руки, как ребенка. Он заржавел и грустно поскрипывает. Извини, старина.

Скоро я отсюда свалю. Минимум несколько месяцев все это будет от меня за тысячи километров.

Я вернулся к дому. Отец с Ваней сидели на ступеньках веранды. Матери нет.

– Ты полегче с ней, человек нервный, понимать надо... – начал отец, морщась так, как морщатся, говоря о чем-то пустяковом.

Я устроился рядом. Три мужчины, три поколения семьи сидели на пороге дома, построенного их предком, моим дедом, папиным отцом, Ваниным прадедом. Он был героем войны, генералом, получил этот участок в конце сороковых, поставил дом. Большую часть первого этажа занимает просторная гостиная. Рядом бывшая моя, а теперь мамина комната, в которой спит и Ваня, за стенкой кухня и душ с туалетом. На втором этаже две спальни: отцовская и пустующая, захламленная. Большая летняя веранда застеклена ромбами. В середине веранды круглый стол, накрытый выцветшей клеенкой в арбузах и грушах. Вокруг стола продавленные плетеные кресла.

– Когда она соберется? – спросил я отца.

– Сейчас. Ей касторки надо выпить перед УЗИ. Чайку не хочешь?

– Зачем касторки?

– Слабительное. Меня срочно в аптеку гоняла.

Я фыркнул, демонстрируя презрение к материнским заскокам.

– Она всех нас переживет!

Отец встал, кряхтя, схватившись за спину, подошел к столу, налил мне чаю, предложил сырники.

- Только испек. Попробуй.

Как всегда, вкусно.

- Мы вот с Ваней скоро дворниками устроимся. - Он обнял Ваню, тот улыбнулся. Так улыбаются снеговики, у которых рот длинным полукругом.

- Дворниками - куда?

- В «Медитеранэ».

«Медитеранэ» - французский ресторан в боковом крыле дома, где у родителей квартира.

- Я люблю чистоту, - подтвердил свои намерения Ваня.

- Билеты уже купил? - спросил отец.

- Через пять дней вылетаю.

На веранду вышла мама, обратилась к отцу:

- Не видел, куда я масло поставила?

- Я же тебе его дал.

- Забыла с вами, куда дела.

- Это не оно, случайно? - Я показал на пузырек, притаившийся за банкой с вареньем.

- Дай сюда.

Протянул ей пузырек. Она, не глядя, принялась скручивать крышечку.

- Ты, конечно, опять будешь меня ругать, но я узнала, почему все ТАК случилось.

«Сейчас пойдет речь о причине Ваниной болезни», - безразлично подумал я.

- На его семье проклятье! - произнесла мама, указывая на отца. - У них в роду были колдуны.

- Ну, началось... - протяжно вздохнул отец и хлопнул меня по колену.

- А еще у Лены был какой-то Андрей, который навел порчу.

- Какой Андрей? Зачем ему наводить порчу?

- Федь, ну хоть ты можешь не реагировать?!

- Не знаю, какой Андрей! Мне маятник сказал. Он из ревности.

- Пятнадцать лет прошло! Пятнадцать... А чем это воняет?..

Мама посмотрела на меня укоризненно и опрокинула пузырек в рот.

В первую секунду не произошло ничего странного, только лицо ее скривилось. Но это ведь нормально, касторка не лакомство. Но сразу за этим она вся как-то посерела, и странный запах усилился.

- Что случилось? По спине похлопать?

Вместо ответа мама надрывно вдохнула. Даже не вдохнула, а издала звук горлом.

- Мам, что с тобой?! - Мы вскочили.

- Плохо вижу...

- Что плохо видишь?!

Пузырек упал, покатился по полу веранды, пересчитывая коричневые доски. Мама стала оседать. Я едва успел ее подхватить, упал на колени под весом тела.

- Да что с тобой?! - Я был уверен, что это очередная ее выходка. Смотрите, мол, как я из-за вас страдаю.

- Я ничего... не вижу... «Скорую» вызовите... - от нее резко пахло аптекой и больницей.

- «Скорую»... - твердил я, нажимая дрожащими пальцами на кнопки телефона. - Где же номер спасательной службы! Что ты выпила?!

Поднял пузырек, прочел этикетку.

- Почему тут написано «камфорное масло»?! Ты же пила касторовое!!!

- Ты мне дал... - прохныкала мама.

Я схватил чайник, в котором отстаивалась питьевая вода... Поднес к ее рту... Ваня грыз пальцы в углу.

По телефону сказали, что врачи приедут не раньше чем через час. Мы решили сами везти ее в больницу, потащили к машине, папа еще лейку ногой отпихнул... Тут мама вдруг изогнулась, и жизнь в ее глазах высохла, будто вода в песок ушла.

После вскрытия сказали - резкое обезвоживание организма.

* * *

Зовут меня Федор Овчинников. Возраст - тридцать один год. Образование - архитектурный институт. Мне было семнадцать, Лене на год больше. Познакомились на первом курсе, в студенческой столовой. Целовались у фонтана. Первая любовь. Аборт решили не делать. Почему Ваня родился

больным, никто толком ответить не смог. У молодых такое редко случается. Лысый очкарик доктор сказал:

- Вам выпал черный шар.

Мама активно участвовала в подготовке родов. Всех задвинула, даже Ленкиных родичей. Категорически запретила пугать ребенка ультразвуком, мы послушались, сделали УЗИ всего раз, в клинике, которую она порекомендовала. Врачиха сказала: «Будет мальчик». Придумали имя, Иван.

Роды случились на месяц раньше срока. Прошли легко, без осложнений.

Мы были на даче, Ленка разбудила меня ночью. Я побежал к соседям, у которых был телефон, вызвал врачей. Лена кричала каждые полчаса, потом каждые пятнадцать минут, потом каждые пять. До нас наконец дошло, что это схватки, а врачи все не ехали. Короче говоря, Ваня сам родился, без врачей. Я вместо врачей был.

Укутывая скользкого малыша в одеяло, я весь дрожал от счастья. У меня сын!

Тут прикатила бригада СМП.

Осмотрев новорожденного, доктор отозвал меня в сторону и тихо сказал, что есть кое-какие сомнения. Пока только сомнения, ничего больше... надо проверить. Ушки низко посажены, шейка полная, глазки раскосые...

Нас отвезли в инфекционную резервацию для тех, кто родил не в роддоме, как положено законопослушным гражданам. Я слышал про это место и просил отвезти Лену с сыном в обычный роддом. Совал деньги, какие при себе были. Доктор кивнул, деньги взял и все равно отвез «куда положено». Санитарка тут же отобрала у Лены одежду и нарядила ее в рваный застиранный халатик без пуговиц. Ваню унесли на уколы, до меня еще несколько минут доносился его крик. «Чего вы так переживаете? Он же даун», - успокаивала медсестра.

Анализ крови подтвердил диагноз, повторный анализ дал тот же результат.

Я много раз набирал номер врачихи, делавшей УЗИ, и сбрасывал звонок. Набирал и сбрасывал. Наконец все-таки решился. Спросил, почему она так плохо справилась с работой?! Почему не заметила, что эмбрион дефективный?! Сделали бы аборт, не рожали бы инвалида.

– Я в Бога верю, – отфутболила меня врачиха. – Я увидела, что у вас дауненок, но нельзя же невинное дитя убивать.

Тут инициативу взяла Ленкина семья:

– С семнадцати лет мучиться с инвалидом?.. Чтобы больше никогда здоровых детей не иметь? Самым лучшим вариантом для всех будет, если он умрет. Общество страдает от инвалидов. Да и сами инвалиды страдают. Помочь такому ребенку умереть – милосердие, а чтобы ускорить смерть, надо сдать новорожденного в интернат. Лена по совету своей матери грудью Ваню не кормила. Чтобы не привязываться.

Мои родители колебались. Я ненавидел сына за то, что он своим появлением перечеркнул мою, по сути, только начинающуюся жизнь.

Ленка сразу согласилась, я не долго думал. Разбил стул об пол, швырнул телефон в стену и решил отказаться от сына. В муниципалитете мы подписали официальный акт. Знакомым сказали, что роды прошли неудачно, ребенок умер.

Первые дни мы ходили к Ване в больницу. Сторож не хотел меня пускать даже в приемную. Не положено. Я принес сторожу бутылку и больше его не видел. Медсестра сказала: в палате сквозняки, Ване нужны теплые носочки. Купили носочки. Назавтра они исчезли. Кто-то украл. Мы купили новые.

Спустя неделю моя мама забрала Ваню из больницы. Отец сомневался, но спорить не стал.

Меня мучил запах. Лена пахла так же, как брошенный нами сын. Запах не давал мне покоя. Лена считала себя неполноценной, неспособной родить нормального первенца. Не могла видеть меня, считала, что сделала меня несчастным. Скоро она ушла. Я остался один в бабушкиной квартире в Черемушках.

* * *

Содрав остатки полиэтилена и рассмотрев Ванину находку внимательно, я понял, что эта небольшая работа подлинный «холст-масло», что художественная ценность картины весьма сомнительна, но автор моден и неплохо продается. Некоторые мои клиенты заказывали Сазонову свои портреты в нарядах наполеоновских маршалов, изображения детей, жен и любовниц в образах древнегреческих божеств, а иногда и корпоративные полотна с целыми коллективами в духе «Ночного дозора».

Нам досталась фигуристая особа, напоминающая тех, что украшают дверцы дальнобойных фур.

Ваню картина зачаровала. Он смотрел на белое в черных каплях тело и глаз не мог отвести.

– Ваня, где ты взял это... эту картину?

– Не скажу, не скажу! – Он с разбегу бухнулся на диван с высокой спинкой и двумя истершимися бархатными валиками по бокам.

– Хватит ломаться! – потребовал я.

Тут он взял и заревел. Умеет делать это неожиданно.

– Не кричи-и-ии на меня-я-я-я-я-я! А-а-аааа! – моментально превратился в крупного пупса, брызжущего слезами и размазывающего соплю по физиономии.

– Я не кричу! Прекрати рев, ты уже взрослый!

– А-а-а-ааааааа, – пускает пузыри носом и ртом.

– Ну ладно, извини... Извини, я же так... как бы... Извини... – воспитатель из меня никудышный. Я обнял Ваню, похлопал по спине. – Не плачь, я ведь не просто так спрашиваю... странно все-таки... я машину выталкиваю, а ты вдруг притаскиваешь домой картину... а может, за ней охотятся гангстеры?..

- Она красивая... - всхлипнул Ваня. Плакать он прекращает, как ребенок - так же быстро, как начал. Он вообще отходчивый, мой Ваня. Мне бы так.

- Ну скажи, где ты ее взял?

- Не скажу!

- На помойке нашел?!

- Не скажу, не скажу!

- Пойдем, покажешь! - Я взял его за руку, помог надеть куртку и ботинки, оделся сам, и мы вышли за дверь.

* * *

С самого начала Ваня во всем отличался от нормальных детей. Даже телом, силуэтом. Обыкновенные дети похожи на хороших кукол. Пропорциональная головка, ручки, ножки. Ваня же походил на игрушечного плюшевого медведя. Ручки и ножки тонкие, а голова и пузо - большие.

Врачи предрекали скорый конец. Порок сердца, не совместимый с жизнью, общая слабость организма, низкий иммунитет. Ходить Ваня начал только в три с половиной года. Но жил.

Наличие слабоумного сына не укладывалось в моей голове. Другим по двору, знакомым с детства, соврал, что из-за смерти нашего малыша мои родители усыновили чужого ребенка-инвалида. Для меня было невыносимо признаться, что я отец дауна. Сам я у родителей появился поздно; матери было сорок, отцу на пять лет больше. Подслушав в детстве разговор мамы с врачом, узнал, что ей делали реанимацию плода. То есть меня. Оживили специальным уколом. Я родился мертвым, практически мертвым. В детстве много болел. Рахитичная, большая голова, раздутый живот. Меня вечно таскали по врачам. Из-за сколиоза запретили поднимать тяжести, и мама не придумала ничего лучше, чем рвать школьные учебники для того, чтобы я носил в портфеле только те страницы, которые требовались для урока. «Как тебе не стыдно! Это же КНИГА!» - ежедневно порицали меня непогрешимые училки, а одноклассники и, что самое

ужасное, одноклассницы издевательски смеялись. Бабушка водила меня в школу и встречала после уроков, когда ровесники уже ходили самостоятельно. Вдобавок я картавил. Путем скандалов, истерик и угроз удалось выколотить отмену бабушкиного эскорта, но взамен мне на шею навесили связку ключей от дома. Боялись, что иначе потеряю. Звенящая связка была настоящим камнем, тянувшим ко дну.

Подростком я начал тайно заниматься спортом. Тайно, потому что мама запрещала перенапрягаться из-за слабого сердца. По утрам выходил из дома раньше положенного и тщетно болтался на дворовом турнике. Однажды меня застукал отец. Он не заложил меня маме, а вместо этого завел график подтягиваний на клетчатом тетрадном листе. Через два месяца я мог подтянуться пять с половиной раз, перестал передавать в школу медицинские справки, освобождающие от физкультуры, и сдал все нормативы. Физрук даже отправил меня на районные соревнования по кроссу, где я пришел вторым. А еще отец записал меня к логопеду.

За одно лето я окреп и научился выговаривать «р». У меня обнаружилось чувство юмора, девочки глядели на меня благосклонно. Сделавшись душой компании, я приобрел крепкую неприязнь к инвалидам, калекам и хлюпикам. Жизнь завертелась веселым колесом. И тут на тебе. Сын-дурачок.

* * *

С чего я так зарубился на этой картине? Зачем мне знать, где Ваня ее раздобыл? Чего мы выперлись на вечерний промозглый двор? Метаться в поисках хозяина картины смешно. Вдоль улицы горели редкие фонари. Метрах в двадцати возле своей калитки топтался сосед Тимофеич.

- Добрый вечер, Виктор Тимофеевич!

- Здорово, Иван. У нас тут авария, слышали?

- Да... - пискнул Ваня.

Я сильно сжал его ладонь, догадавшись, что авария и картина связаны, а сам спросил Тимофеича:

– Что за авария?

– «Тойота» в поворот не вписалась. Хорошо, на встречке никого не было. Мужика только что «реанимация» увезла. Пьяный, я с ментами разговаривал. И кто им права продает, расстрелял бы! – Тимофеич закурил. – Вот скажи мне, Федь, что за народ? Ведь знак стоит всю жизнь – «крутой поворот». Так нет, несутся как угорелые и опрокидываются. Пьяные, трезвые, один хрен!

– Может, они в знак не верят? – предположил Ваня.

– Может, не верят... – Тимофеич тяжело вздохнул. – Вот так катаешься-катаешься, а потом бах – и нету. Сходите, посмотрите, машина небось там еще. Вся морда раскурочена!

Когда мы отошли в сторону, я тихо спросил Ваню про аварию. Он отвернулся и принялся тереть, будто умывая, левую руку правой.

Спустились в овраг. Отодвигая от лица ивовые ветки, я обратил внимание, что почки стали набухать. Спотыкаясь о пакеты с мусором, мы поднялись к дороге, к синим всполохам «мигалки». У обочины стояла милицейская «девятка» и застывшая перед накренившимся столбом «Тойота» со скомканным, словно лист бумаги, передом. На асфальте было разбросано конфетти осколков, блестели черные пятна разлившегося масла.

– Картина из машины? – спросил я тихо.

– Да...

Мы стояли на обочине, точно два туземца, вышедшие поглазеть на разбившийся о рифы танкер. Выходило, что мой умственно отсталый сынишка обокрал умирающего.

* * *

Первые месяцы после появления Вани на свет я не находил себе места. Даже молился однажды в церкви, прося о смерти сына.

– Забери Ванечку к себе, Господи.

Ваня жил.

– Что я такого натворил?! За что мне это?! Я же сам только недавно стал нормальным!

Чтобы не казаться Богу эгоистом, я просил его за родителей:

– Чем они виноваты?! Мама всю жизнь работала с утра до вечера, очень хотела внука. Папа приличный нормальный мужик. За что? Ну, хорошо, Господи, а сам Ваня при чем?! Ведь когда он вырастет, то поймет, что отличается от других, соображает плохо, физиономия так себе, прохожие брезгливо отворачиваются.

Мама бросила работу и посвятила себя Ване. Она верила в то, что его можно вылечить.

– Я спрашивала у ангела, он сказал: Ваня вырастет и станет генералом, но для этого надо постоянно молиться! – Мама в себе не сомневалась, даже квартиру освятила, пользуясь каким-то лично ею выдуманным обрядом.

Я спорил. Присутствовавший при этом отец требовал, чтобы я не грубил. Маленький Ваня, боявшийся громких голосов, ревел. Так проходили наши редкие встречи.

Годы шли, Ваня оставался дауном. Я довольно успешно работал дизайнером, оформлял интерьеры частных домов. Даже нашел плюсы в ситуации: будь у меня здоровый ребенок, пришлось бы нянчиться, на карьеру и развлечения не хватало бы времени. От целителя Семенкова мама, как постоянный клиент получила подарок – машинку для сбривания катышков с шерстяных изделий. Все свободное время она искала причины, почему Ваня родился таким. Когда-то она была секретарем парткома, поиск виноватых для нее – рефлекс. Она то упрекала меня, что Лена простыла на первом месяце беременности, то обнаруживала на моем астральном теле порчу. Я не переносил ее нотаций, но и без нее обходиться тоже не мог. Мы были как пара влюбленных, постоянно выясняющих отношения. В начале каждого разговора мы ладили, в середине чуть не бросались друг на друга с кулаками, в конце или нежно целовали друг друга на

прощанье, или мама стояла с трагическим лицом, опутив руки, а я уходил, хлопнув дверью.

Отец принимал жизнь такой, какая она есть. Он души в Ване не чаял. Качал его на руках, играл в кубики, читал вслух книги, сочинял смешные песни. Я все хотел записать эти песни на диктофон, но постоянно забывал. А потом уже и записывать было некого.

После маминой смерти милиция явилась разбираться, умышленное ли было отравление или нет. Мне даже закралась мысль, не подсунил ли отец это масло специально. Мама ведь его пилила бесконечно. Вышло бы идеальное убийство, ну вроде продавщица в аптеке перепутала. А выпила сама, никто не заставлял. Я свидетель. Расспросить папу на этот счет мне не удалось. Он умер от инфаркта на следующий день после допроса у следователя. Откуда вместо касторового масла появилось камфорное, никто разбираться не стал. Дело закрыли, списав все на трагическую случайность.

* * *

Мы сидим за круглым столом, молча рассматривая картину.

– Я гулял, и тут трах – автомобильная авария! Я подошел, дяденька не двигается. Не пристегнулся. Всегда надо пристегиваться...

– Про картину давай.

– Она рядом с ним лежала. Я дверцу открыл и взял.

– А тебя никто не видел?

– Не знаю, – задумался Ваня и погрузился в размышления.

И как ему удалось незаметно дотащить картину до дома?.. Может, еще объявится свидетель... А картина-то ерундовая, не хочется из-за нее погореть.

– Папа, а это искусство?

- Что?.. Искусство?.. Трудно сказать... Наверное, не совсем искусство.

- Почему?

- Ну, чтобы картина считалась искусством, надо, чтобы она была... чтобы была... - Я запнулся. Оказывается, не так просто разъяснить то, что кажется очевидным. - Картина должна быть красивой. Вот!

- А разве она не красивая? - удивился Ваня. - Она очень красивая!

Я смотрю на нефтяную Венеру. Сказать, что некрасивая, нельзя... но ведь такие вещи не принято называть красивыми...

- Может, и красивая, не знаю...

- А зачем нужно искусство? - продолжил расспросы Ваня.

- Зачем... Ну... чтобы показать людям то, что ты считаешь красивым. Вот художник увидел красивую женщину, нарисовал ее, и оказалось, ты тоже считаешь ее красивой.

Ваня широко раскрыл глаза и закрыл рот руками. Так в мультфильмах изображают сильное удивление.

- Я понял...

- Что ты понял?

- Художник ее специально для меня нарисовал!

- Нет, Вань. Я в другом смысле сказал... - но он больше не слушал.

- Я понял это! Я понял! Он для меня нарисовал!!!

Перестав слушать его возгласы, принимаюсь думать, кому бы Венера могла принадлежать. Разбогатевший простак заказал изображение возлюбленной...

Овдовевшая леди за сорок захотела заполучить свой портрет кисти модного живописца... Или Сазонов решил создать новый образ России – фигуристая блондинка, нефть, березки...

* * *

После смерти родителей все в их квартире казалось новым и чужим. Здесь я когда-то впервые поцеловал Лену, вот рояль, под которым я ее обнимал. Лампочка-индикатор на телевизоре заклеена изолентой. Мама определила с помощью маятника, что через эту лампочку телевизор высасывает из человека энергию. На паркете – карандашная разметка, обозначающая энергетические разломы. Я ходил по гостиной, мрачно глядя под ноги, а из-за большой стеклянной двери на меня настороженно смотрел сын-дурачок, одетый в мою ношеную футболку.

Я оказался заложником родительской добродетели. Инвалид – тюрьма для близких, колодка на ногах. Никуда не пойдешь, не уедешь. Только и знай, что сиди при нем да горшки выноси. Родители взяли Ваню на воспитание, а теперь вот умерли в одночасье! При чем здесь я?! Да, сын – мой, но я от него уже отказался пятнадцать лет назад! У него нет отца! У него даже в свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк! Чего он липнет ко мне, как банный лист! Жизнь моя поехала под откос. Вспомнил мать:

– Сука! Какая же ты сука! Хотела внука?! Получила! Мало! Даже после смерти хочешь, чтобы я жил по твоим правилам! Не выйдет! – шипел я. – Я родился мертвым не для того, чтобы в тридцать лет похоронить себя заживо!..

А может, я и не рождался вовсе? Может, акушеры меня так и не оживили? Тогда я мертв, я воплотился в каком-то другом, неправильном, искаженном мире...

Сбагрив тела родителей в крематорий, я решил по-быстрому сдать сына в интернат, надеясь еще успеть на рейс за океан. Посадил Ваню в машину и поехал договариваться.

Проезжая по узкой улице, мы увидели крупное существо в старой нейлоновой куртке и надвинутой на лоб шапке, несмотря на жару. Существо вяло плелось по тротуару, а вокруг скакали мальчишки с игрушечными ружьями и обстреливали

его пластмассовыми пулями.

- Пошел отсюда! Пошел! Огонь! - кричал бойкий мальчик-вожак.

Оказавшись близко, я разглядел лицо существа. Слабоумный бродяга, загоняемый детьми, как древний мамонт. Он отвечал на стрельбу и крики невнятным мычанием и, неловко прикрываясь рукой, шел дальше. Я подумал было шугануть мальчишек, но тут хлопнула дверца, раздался визг тормозов, рядом бешено засигналили. Ваня выскочил из машины, едва не угодив под автобус.

- Заклинаю вас, уйдите! - тяжело дыша, крикнул он мальчишкам.

Мальчишки замерли, рассматривая новоявленного заступника.

- Не влезай, колобок, а то и тебя продырявим! - нашелся мальчик-вожак, и вся свора заулюлюкала.

Включив аварийку, я выскочил на тротуар и кинулся на мальчишек. Они отбежали недалеко и собрались дразнить нас, но я схватил пивную бутылку, валявшуюся рядом с урной, и швырнул в их сторону. Ваня вытащил из урны еще одну бутылку, метнул косо и попал в ногу слабоумному, за которого сам же заступился. Тот замычал и полез через кусты, подальше от всех. Извиняясь, Ваня кинулся вдогонку, но я его поймал за край футболки. Мальчишки остановились вдалеке.

Мы сели обратно в машину, колени и руки у меня тряслись, сердце скакало в груди, зуб на зуб не попадал. Кое-как завел мотор, развернулся. Судьба плотно навалилась на меня, как бывает в час пик в метро. Незнакомые люди, стоящие на расстоянии, вдруг оказываются прижатыми лицом к лицу, телом к телу. Невольно, даже если не хочешь, увидишь все прыщики, поры, волоски на щеке соседки, только что казавшейся безупречной. Моя судьба оказалась прямо перед носом. Задышала в лицо. Я почувствовал ее запах. Долго отворачивался, но в конце концов вынужден был ее рассмотреть. Вопреки ожиданиям и страхам, резкое укрупнение не отвратило меня. Боишься чего-нибудь, а когда доходит до дела - оказывается, не так уж и страшно. Я вдруг понял: хватит бегать от судьбы. От ее предложений.

* * *

Мы прожили на даче неделю, как и планировали. Доктор рекомендует Ване свежий воздух. Время прошло спокойно, картиной никто не интересовался.

Стоим на остановке. По-прежнему тепло. Из-под колес проезжающих машин летят брызги. Я то и дело оттаскиваю Ваню от края дороги, куда он лезет, высматривая автобус. Наконец подходит наш: расплатившись с шофером, протискиваемся в салон.

У меня появилась привычка копировать некоторые Ванины черты. Например, гримасничать, нарочито морщить лоб, высовывать язык, как бы от усердия. Хожу вразвалку, важно глядя по сторонам... Почему? Наверное, подсознательное проявление солидарности. Такое бывает, когда поднимаешься по лестнице вслед за каким-нибудь искривленным увечным на костылях и не можешь его обогнать. Сначала злишься из-за того, что твоя скорость резко замедлилась, потом вспоминаешь нормы общественной морали и коришь себя за черствость, а когда лестница наконец заканчивается и можно припустить и скакать, ты вдруг никуда не спешишь. Плетешься по-прежнему рядом с калекой. Неловко демонстрировать возможности своих ног перед тем, у кого их нет или плохо работают. Все равно что хвастать деньгами перед нищим. Конечно, это чувство быстро улетучивается, когда проходишь несколько метров, инвалид остается позади, а ты идешь вперед, ускоряя шаг, и с каждым метром стыд и сострадание выветриваются из головы.

Но в тот момент, когда уже не торопишься обогнать, вдруг проникаешься неспешностью движения, ощущаешь прелесть корявой пластики и понимаешь, что это тоже жизнь. Просто другая, в ином ракурсе. Становится интересно пожить так, стать вторым после инвалида. Стать его другом, учеником, апостолом. Будучи от рождения здоровым, добровольно выбрать долю калеки.

Я хотел «обогнать» Ваню, убежать стремглав прочь. Но не смог. Теперь вот прикидываюсь больным. Смотрите все! Я веду себя так же, как и умственно отсталый! Все думают, быть дауном – ужасно, так пускай посмотрят на меня! Я, симпатичный парень, корчу рожи по собственной воле.

Пассажиры автобуса делятся на тех, кто нас как бы не замечает, и тех, кто смотрит во все глаза. Принято делать вид, что инвалидов нет, но тянет

рассматривать их, как зверей в зоопарке, как собственное дерьмо. Я привык. Всегда, когда бы я ни окинул взглядом окружающее пространство, несколько человек отводят глаза. Некоторые, совсем обнаглевшие, пялятся пристально и шепчутся. В первый месяц я встречал каждый такой взгляд как вызов. С тех пор стал терпимее. Пусть себе таращатся, мне не жалко. Пожилые женщины молча соболезнуют, мужчины пугливо уступают дорогу, девчонки разглядывают нашу парочку с интересом, смешанным с неприязнью: небритый парень в кофте с капюшоном и подросток-даун с белобрысой шевелюрой и рюкзаком за спиной.

От усердного проталкивания к окошку у Вани потекла слюна. Я указал ему на это, он достал платок и утерся. Устроившись у окна, смотрим на мелькающие вдоль шоссе дома, перелески и автозаправки.

– Супер-мар-кет, сход-раз-вал... двор-цо-вая ме-бель... – последняя вывеска, состоящая из больших пластмассовых букв, украшает фасад двухэтажного обшарпанного дома. Рядом другая, красная. Ваня декламирует на весь автобус:

– Ин-тим! Что такое «ин-тим»?!

– Это... это... там... там разные вещи продаются для жизни.

– Почему мы там не были? Пойдем туда!

Стоящим рядом пассажирам смешно, но они, бедняги, сдерживаются. Не принято ржать над дурачком.

– Сходим как-нибудь... – усмехаюсь я.

– Почему ты смеешься? – Ваня весь подобрался. Чего он не любит, так это когда над ним смеются.

– Я смеюсь, потому что я тебя люблю.

Готов поспорить, многие пассажиры размышляют, как бы сами поступили, свяжи их жизнь с таким. Ухаживали бы или сдали в приют? Наш вид настраивает людей на мысли о вечном, они жалеют нас. Вряд ли кто-нибудь догадывается, как часто я корю родителей за их милосердие, сделавшее и меня милосердным

поневоле. Они не знают, что я скрываю Ваню от друзей, что завидую притягательному блеску их благополучия. Пассажиры не знают, что маленький рулон в моей руке – это снятая с подрамника, скрученная Венера.

Отпираю дверь квартиры, и проносится мысль: «А не поджидают ли нас дома хозяева картины? Вычислили, прокрались, устроили засаду...» Мешкаю секунду – и резко распахиваю дверь.

В окне гостиной горит огнями город. Башня министерства, статуи на жилом доме с противоположной стороны реки, неоновая реклама кубиков куриного бульона. Окно выглядит картиной. И разбившийся пьяный художник, и «дворцовая мебель» с «интимом», и знак крутого поворота, на который никто не обращает внимания. Все там, в этом мире, на этом «холсте». Может быть, Бог, создавший этот вид за окном, этого Ваню, сам стукнутый на всю голову? Тоже любитель покорчить рожи, вроде меня?

* * *

В квартире беспорядок. Повсюду разбросаны одежда, диски, книги. Посуду стараемся мыть не реже двух раз в неделю, но удается это не всегда.

Ваня уже раскатал картину на полу.

– Спрячу пока.

Что, если мои мысли о ничтожной ценности «Венеры» лишь самоуспокоение и я подсознательно внушаю себе, будто история, в которую мы вляпались, не опасна?..

Ваня потащил картину к своему тайнику, индийскому лоскутному ковру. В свое время я привез его родителям в подарок. Купил в Бомбее у тамошней цыганки. Мама с помощью молитв сняла с ковра отрицательные программы и наговоры, после чего повесила в Ванину комнату. Яркие пятна полезны для развития, а ковер сплошь состоит из разноцветных обрывков старых сари. Грязно-розовые, сине-зеленые, золотые, шафрановые. Мир фантастических растений, солнц и звезд, колосьев, корон и турецких «огурцов». Есть узоры, похожие на меловую обводку на полу вокруг трупа с кроличьими ушами. Мне нравятся квадратики,

перекрещенные из угла в угол, наподобие флага военно-морского флота. Только здесь вместо белого поля и голубого креста поле красное, расшитое солнцами с кудрявыми лучами, а крест из салатовой ткани в блестках.

В швах между лоскутами ковра прячутся молнии, застегивающие потайные кармашки. Мама их сделала специально для Вани. Однажды, воспользовавшись тем, что Ваню осматривает врач, я не удержался и торопливо изучил его сокровища. В одном кармане – коллекция конфетных фантиков и бутылочных этикеток, в другом – темная винтовочная гильза и человечки из шоколадных яиц с сюрпризом, в третьем – собрание колесиков от игрушечных машинок (сами машинки Ваню почему-то не интересуют). Отдельно лежит полароидная фотография, мои родители с Ваней. На обратной стороне надпись печатными большими буквами «госпади зделай так штобы мама с папой были в раю зарание спасибо».

За счет содержимого ковер весит килограммов пять. Ваня просит меня не подглядывать, но я-то знаю, что он попытается засунуть картину в самый большой карман.

– Не получается! – раздается вскоре его жалоба.

– Помочь? – Я тактично не поворачиваюсь.

– Помоги!

Он уже успел бесцеремонно сложить холст пополам. Место сгиба тщательно разгладил толстым англо-русским словарем. Так что теперь, если картину развернуть, будет видна складка, как на простыне, высохшей на веревке. Помогаю впихнуть краденый шедевр в цветастое тканевое лоно.

– Сделал дело, гуляй смело! – Ваня удовлетворенно потирает ладошки.

* * *

Болезнь у всех проявляется по-разному. Ванин случай, если можно так выразиться, не самый тяжелый. Ваня не безнадежно туп, и можно даже сказать, что он симпатяга. Не будь у него одной лишней хромосомы, от поклонниц не

было бы отбоя. Пухловатый зеленоглазый блондин с надменным, по неизвестной причине, лицом. Цветом волос в свою мать – у Лены была шикарная грива. Он смотрит по сторонам, будто король, даунский Зигфрид. Однако это выражение легко меняется на озорную улыбку человечка, сожравшего втихаря праздничный торт. В его облике немаловажную роль играет язык, который он так и не научился держать исключительно во рту.

Ваню нельзя оставить одного, его надо укладывать спать. Его нельзя отправить в магазин. Он не может даже кашу сварить. Если мы уходим из дома больше чем на час, на всякий случай надеваем подгузник. А еще он удивительно похож на Лену.

Не в том смысле, что у нее черты дауна, но кажется, будто он – ее копия, сделанная пьяным скульптором. Кстати, с ней мы с тех пор даже не созванивались. Я набрал однажды номер, но, прослушав пару гудков, положил трубку.

Мозг у Вани набит знаниями двух видов. Первые относятся к материнским теориям о Боге, ведьмах, молитвах, ясновидящих и карме. Вся эта катавасия из верований мирно уживается с отцовскими походами в музеи, чтением вслух стихов и романов. Оценивая окружающий мир, Ваня берет то одно, то другое познание и уверенно прикладывает к любой ситуации. А еще время от времени он получает советы от ангела.

Он боится террористов, чеченцев и женщин-шахидок. Общественная истерия по поводу враждебных брюнетов в черных балахонах получила в его мозгу своеобразное преломление. Темные силы вроде ведьм слились с шахидками, превратившись в нечто единое, смертельно опасное.

Ваня научился узнавать меня только к восьми годам, до этого боялся, как и прочих чужих. Папа с мамой хранили тайну, не говорили Ване, что я его отец. Но переубедить его удалось легко.

– Как у меня может быть два папы? – недоумевал он поначалу.

– Может, Иван. В жизни и не такое бывает. Один папа теперь у Бога, а другой вот он, – убеждал я, тыча себя в грудь.

– А что скажет тот папа? – Ваня указал пальцем вверх.

– Мне ангел сказал: он не против...

Услышав про ангела, Ваня посмотрел на меня с уважением и больше вопросов не задавал.

Оля, для длинных ног которой я еще недавно отодвигал пассажирское сиденье, один раз увидела Ваню и больше не появлялась. Дала понять, что такая жизнь ей не подходит. Да и отмена Майами сильно ее обломала.

Люди, которые возятся с больными, часто становятся высокомерными. Мы, дескать, отдаем всех себя, жертвуем мирскими радостями ради немощных. По мне так сестра милосердия, гордящаяся тем, что стирает гнойные бинты, ничем не лучше расфуфыренной дурехи, хвастающей бриллиантами. Я уж точно не святой, просто деваться некуда. Высокомерие страдания меня не вдохновляет, не люблю выделяться, возвышаться над другими. А небось трогательно смотрится: молодой мужчина, посвятивший себя инвалиду. Но мне чужое уважение и сострадание не нужно, поэтому я решил сына новым знакомым не показывать. Тут-то я и понял: инвалид – не просто тюрьма. Это тюрьма, которую себе строят те, кто за инвалидом ухаживает. Стены, которые они сами возводят между собой и миром.

Узнав о моем выборе, часть знакомых решили, что я псих, другие намекнули, что я чуть ли не святой. И те, и другие перестали звонить. Я их понимаю: в клуб с Ваней не пойдешь, в ресторане сидеть за одним столом с ним не каждый захочет. Он то засмеется громко, то скажет что-нибудь, демонстрируя во рту непрожеванное блюдо. Не хотят дружить – и не надо, я бы тоже не стал.

* * *

Мы с Ваней идем по мокрой асфальтовой дорожке кладбища. Под ногами – неубранные, размолотые подметками листья. Цвета сухофруктов: дыня, папайя, курага. Там, где листьев слишком много, кеды скользят. Небо хмурое, температура по-прежнему плюс десять. Что-то с климатом происходит, уже месяц неправдоподобно тепло, и холодов не предвидится. Солнце не показывается. Ваню это расстраивает, он без солнца тоскует.

– Вань, следи за номерами, а то заблудимся. – Я тут с детства не был, а Ваня с родителями несколько раз приходил.

– Я слежу за номерами. Нам нужен номер сорок девять «Б»! – Ваня размахивает руками, на одной варежка, на другой нет.

– Где варежка, Иван? – Ваня разглядывает свою руку, будто впервые в жизни ее видит, и делает вывод:

– Потерял...

Я вздыхаю. Хоть и тепло, но мы боимся простуды. Отдаю свою перчатку.

Несу тяжелый пакет. Две урны. Папа и мама. Мы пришли на кладбище, чтобы закопать их. Почему только теперь, спустя полгода после смерти? Дело в том, что мама уже давно подробно разъяснила мне, как их с отцом следует похоронить. Отцу ритуал был не важен, верховодила мама. Процесс ее собственного захоронения менялся в зависимости от очередного религиозного увлечения. То ей хотелось быть похороненной в свадебном платье, то быть отпетой в церкви в закрытом гробу. Я отмахивался от ее пожеланий, говоря, что не надо думать о смерти, однако невольно все запоминал. Последним наказом было: тело, обряженное в ночную рубашку, подаренную ясновидящей Ириной, сжечь, а прах захоронить спустя шесть месяцев. Срок мама высчитала с помощью маятника. Маятник, то есть обручальное кольцо, следовало закопать вместе с ней. Папино тело проходило по тем же канонам. Только без ночной рубашки и маятника. Точность соблюдения обряда гарантировала какие-то бонусы в загробном мире.

Я все выполнил, как она просила. Про маятник-кольцо, правда, забыл, а когда вспомнил, стало жалко его закапывать. Все-таки память, да и золото. Надеюсь, это мое вмешательство в ритуал не обречет маму на вечные муки. Урны все эти месяцы пролежали на балконе.

– Сорок девять! Вон, смотри! – орет Ваня.

– Нужно сорок девять «Б».

– Ой, извини, извини, я невнимательный, извини!

– Забей, Вань, это херня, – успокаиваю я его.

– Папа, это плохое слово. Плохие слова портят карму, – говорит точь-в-точь как мать.

– Слушай, не указывай мне, ладно?!

Его лицо корчится. Вот-вот заплачет.

– Вань, извини, не буду ругаться. Только не надо кукситься!

Возле столбика с табличкой «49 Б» поворачиваем направо. Тропинка идет под уклон. Колодец, мусорный бак, чугунная, поросшая мхом ограда вокруг памятника летчику-герою. Протискиваемся к семейной могиле. Ваня цепляется курткой за штырь летчиковой решетки. Штырь вырывает кусок белого синтепона. Вижу, Ваня снова готов зареветь.

– Куртка – это хер... ерунда... пустяк. Зашьем, не парься, – глажу Ваню по спине. Соблюдая аккуратность, пробираемся дальше. Пришли.

Оглядываюсь по сторонам... Может, место перепутал?.. Вроде все правильно... Вот огромный трухлявый пень, вот летчик-герой. А могила где?.. Нет могилы!

В смысле, могила есть, но памятника деду с бабушкой нет, а есть свежий холмик, обложенный еловыми ветками и временная мраморная доска на черных железных ножках.

– Папа... а кто это? – спрашивает Ваня.

– Это точно наше место? – спрашиваю я.

Ваня осматривается.

– Наше... А где дедушка с бабушкой? – настаивает он.

- Дедушка с бабушкой... А хер его знает!..

- Папа, кто это?

- Кто это...

На доске надпись золотом.

Сазонов Георгий Викторович 1953-2008.

...А снизу кисточка с палитрой выгравирована.

* * *

На днях, набив в поисковике «Джордж Сазонов», я узнал кое-что новенькое. Кроме того, что Сазонов художник известный, что ему удалось внушить многим состоятельным неопитам, что его произведения имеют статус must have, сообщалось, что «г-н Сазонов неделю назад скончался в реанимации, куда угодил в результате ДТП». Об исчезновении картины не было ни слова.

- Бабушку с дедушкой украли шахидки? - спросил Ваня после некоторого молчания.

- Какие шахидки!!! Похоже на какой-то розыгрыш! - Я снова выругался.

- Папа, нельзя так говорить. Бог этого не любит. Это создает плохую энергию, которая отрицательно влияет на здоровье и... - на слове «здоровье» Ваня икнул и получилось «здоарровье».

- Опять Бог! Что за семья такая! - Я выдернул из песка новенький памятный знак и увидел мраморную плиту с фотографиями прародителей, лежащую на боку позади холмика.

- Вы сюда давно последний раз приходили?

- Не помню.

Я пнул холмик.

- Не надо, там бабушка с дедушкой, - попросил Ваня.

- Надеюсь, они все еще там! А сверху, похоже, твой любимый художник пристроился! Что же это такое... - Я готов заплакать от отчаяния и бессилия.

Позади раздался крик:

- Папочка здесь! Вот он!

Оборачиваемся.

В нашу сторону протискиваются две неизвестные девицы. Одна холеная, слегка растрепанная шатенка со страстными глазами. За ней, на цыпочках, выбирая менее грязные места, скачет длинноногая блондинка, в пальто и туфлях. Шатенка останавливается, меряет нас взглядом.

- Поставьте доску на место, молодой человек.

Тут я заметил, что так и держу в руках мрамор с именем художника.

- А вы отойдите, не стойте на могиле, - обратилась она к Ване.

Он испуганно отступил.

Раздражение взорвалось во мне настоящим вулканом. Давно хотел на кого-нибудь наорать, а повод не подворачивался. Швырнув доску на землю и наступив на нее, я надвинулся на шатенку.

- Это наша могила, здесь лежат мои дедушка и бабушка! - Меня сразу смутило это детское «дедушка и бабушка», но исправляться было поздно.

- Не повышайте голос, молодой человек!

– Зачем вы вынули доску?! – встряла блондинка.

– Вы захватили нашу могилу! Это уголовщина... Я... Мы... – Я, как всегда случилось со мной в нервном разговоре, начал сбиваться, захлебываться словами. Давно хотел на курсы дикции пойти, но все как-то не складывалось.

– Я не собираюсь здесь с вами препираться, – отрезала шатенка. – Мы честно купили этот участок, а что здесь до этого лежало, нас не интересует.

– Что!!!.. Купили?! Что здесь до этого лежало?! – задыхаюсь я.

Лицо Вани начало расплываться в плаче.

– Молодой человек, нервничать вредно, а то второго дурачка родите, – триумфально забила последний гвоздь шатенка.

Блондинка за ее спиной опустила глаза.

– Второго... дурачка... – просипел я.

От бешенства голос у меня совсем пропал. Не могу вымолвить ни слова. Даже закашлялся. Пока справлялся с предательством голоса, правая рука сама собою вспомнила уроки бокса.

Удар вышел неловкий, как во сне, кулак скользнул по губам... Но шатенке хватило. Она зашаталась и села в запылившийся венчик из пластмассовых роз с лентой «любимому папочке».

На меня бросилась блондинка и закричала с едва уловимым акцентом:

– Как вы смеете!

– Ах ты, сука, у меня встреча через час! – прошипела шатенка, утирая алую капельку со стремительно раздувающейся губы. Цепляясь за огромный трухлявый пенек, она попыталась подняться. Гнилая древесина, похожая на пружинистое суфле, не выдержала, и шатенка снова села. Юбка задралась, сверкнул уголок розовых трусов. Только с помощью блондинки она наконец

встала на разъезжающиеся в месиве мокрых листьев каблуки.

- Соня, ты в порядке? - квохтала блондинка.

- Этот пидарас мне губу разбил!

- Успокойся, - блондинка отряхнула ее. - Успокойся, мы все очень импульсивны.

Шатенка подошла ко мне.

- Ладно, козел. Я бы тебя засадила, но уroda твоего жалко! - Я увидел близко перед собой ее ровные зубы, дразнящие безупречной белизной из-за разбитой губы. Импланты. Один выбьешь - пятьсот евро.

- Че ты сказала?!

Я согнулся от сильного удара ее колена по моим яйцам. Шатенка же, ловя руками воздух, снова рухнула.

- В администрации кладбища будем разбираться!

Девушки отступили, лавируя между оградками. Шатенкина задница вся была облеплена листьями и древесными ошметками. Блондинка что-то вспомнила и вернулась. Обошла нас осторожно и положила на могилу две белые розы.

Мы с Ваней сели на скамейку возле летчиковой ограды.

- Что-то я не сдержался... - Я достал платок, вытер Ване физиономию. Хлюпя носом, он сказал:

- Не хочу быть дураком! Не хочу быть уродом! Не хочу, чтобы на меня обращали внимание! Я хочу быть умным, красивым, прямым...

- Ты не урод, Вань. Эта сука сама уродина.

- Она кра... кра-сивая... - всхлипнул Ваня.

– Что?!

– Красивая... И вторая тоже.

Я посмотрел на Ваню другими глазами. За все время нашей совместной жизни я ни разу не слышал от него размышлений о женской красоте, а тут как из пулемета: сначала восторги по поводу одной нарисованной бабы, а теперь по поводу двоих сразу, вполне настоящих.

* * *

Немного успокоившись, мы с Ваней решили все-таки закопать урны. Вырыли совком две ямки в свежем песке, присыпали сверху. Как будто не человека хоронишь, а термос. Никакого ощущения важности события. Копая и присыпая, я думал, что в нашу могилу, без сомнений, угодил ограбленный Ваней художник; год рождения Сазонова по сообщениям новостей совпадал с годом на мраморной доске, «наш» Сазонов, как и «известный художник Сазонов», был явно захоронен на днях, кисточка опять же выгравированная...

Покончив с урнами, мы отправились в кладбищенскую контору, разбираться со случившимся. Не люблю разговоры с чиновниками. Я даже подумал, не оставить ли все как есть, но понял, что это безответственно. Могила – это история. Да и деньги. Случись что, где меня хоронить? Хотя это будет уже не важно. А если Ваню?..

Нас встретил хмурый охранник, очередь и незапланированный перерыв. Привычное триединство российского государственного учреждения. Мы терпеливо преодолели все эти неурядицы, но к главному все равно не попали. Принял один из замов.

Этот чрезвычайно полный, краснолицый мужчина начал с того, что поставил под сомнение подлинность наших прав на могилу. Потребовал принести соответствующие документы. Стараясь на этот раз не нервничать, я ровным голосом намекнул краснолицему, что документы имеются, а еще имеются обширные связи с влиятельными людьми. Проработав больше десяти лет в архитектурном бизнесе, я могу сослаться на несколько весомых фамилий. Помощи от них не дождешься, но для блефа сойдет.

Краснолицый позвал главного. Появился начальник кладбища, еще более хмурый, полный и краснолицый. Главный применил другую тактику, принялся упрекать нас с Ваней в халатности и плохом уходе за могилой. Мол, если бы мы регулярно посещали кладбище, подобного не случилось бы, никого бы не подхоронили.

С трудом сохраняя спокойствие, я напомнил краснолицым, что прав на могилу не лишают из-за нескольких лет отсутствия наследников. Нарушены интересы несовершеннолетнего инвалида. Дело пахнет статьей. Расстались на том, что я принесу документы и жалоба будет рассмотрена.

* * *

После соскока заказа в Майами стали отпадать и другие. Не могу же я ездить на объекты с Ваней, так всех клиентов распугаешь. А доверить его сиделке тоже нельзя. В самом начале попробовал, но через несколько дней он стал каким-то вялым и сонным. Однажды я вернулся пораньше и застал сиделку с мужиком в моей кровати. Ваня спал как убитый. Дамочка поила его транквилизаторами, а сама развлекалась с хахалем.

Сомневаюсь в своем выборе каждый день, особенно когда вижу фотографии новых построек и интерьеров. Это одни сделали, это другие. Всех знаю, сам еще недавно с ними работал, а теперь... Иногда по старой памяти мне что-нибудь подкидывают на дом, но масштаб мельчает. Работа архитектора требует присутствия, а я прикован к Ване. Скоро буду сараи для садового инвентаря декорировать...

Бывает даже жаль, что некому прочитать мне мораль или дать совет. Раньше хоть мать звонила, а теперь никого. Чтобы не сдуреть в этом замкнутом, полном призраков пространстве, хожу с Ваней на выставки и в музеи. У Вани льготы. Время от времени случаются эксцессы. На вернисаже шоколадных изделий при старой кондитерской фабрике стоило мне отвлечься, как Ваня сожрал один из экспонатов. На глазах у вытаращившей глаза смотрительницы откусил сразу половину толстого бока шоколадной свиньи. Когда я подбежал, Ваня, весь перемазанный шоколадом, уже подбирался к хвостику. Несмотря на то что редкие его зубы рвали тело свинки на части, она улыбалась порочными губками и подмигивала синим глазурным глазком. Пришлось спешно ретироваться. С тех

пор посещаем только несъедобные экспозиции.

Жизнь наша становится все скромнее. Вскоре после смерти родителей я угодил в сильную аварию. Отделался ушибами, но машину пришлось продать на запчасти. Быстро истратились родительские сбережения. За долгие годы мама с папой умудрились отложить из пенсий полторы тысячи долларов. Меняли, по старой привычке, рубли на доллары и складывали в конвертики. Я же, прилично зарабатывая, не скопил ни копейки. Все спускал на рестораны, путешествия, шмотки. Ваня получает пособие по инвалидности. О том, что будет дальше, стараюсь не думать.

* * *

Позвонил режиссер самодеятельного театра для подростков с умственными отклонениями. Ваню к ним пристроила мама. Последние два года он играл Меркуцио в «Ромео и Джульетте». Режиссер сообщил, что Ванину роль передают другому мальчику.

– А в чем причина?

– Ваня стал реже ходить на репетиции... путает реплики...

– Он не пропускает репетиций, я сам его привожу! Пропустил только раз, когда мы делали ЭКГ!

– Дело не только в этом... – режиссер принялась расплывчато разъяснять мне про деловую даму, сын которой, Кирюша, мечтает исполнять роль Меркуцио, а дама эта обещает подарить театру набор мебели для декорации.

– Мы возим наше кресло на каждый спектакль! Моя мама шила костюмы, а теперь вдруг какая-то бойкая тетка со своей мебелью... – перебил я.

– Вас неоднократно просили оставить кресло в театре!

– Кресло – одна из любимых Ваниных вещей в доме! Я же не могу его вот так отдать!

– А вот Кирюшина мама может!

Отстоять Меркуцио не удалось. Ване предложили прочесть эпилог плюс в качестве компенсации за моральный ущерб я выторговал для него роль пажа. Такого персонажа у Шекспира нет, я его придумал на ходу. Паж будет встречать гостей перед спектаклем и объявлять перерыв.

Ване я сказал, что актеру полезно исполнять разные роли. Мастерство только оттачивается. Но он все равно расстроился.

– Чума на оба ваших дома!.. – Ваня встал в патетическую позу.

До сих пор я ни разу не был на этом спектакле. Сложновато смотреть на подростков-даунов, разыгрывающих самую известную историю любви. Теперь обязательно пойду, тем более близится очередной показ.

– Все дело во мне... – сказал Ваня неожиданно трагически.

– Уверен, ты нормально играешь Меркуцио.

– Я украл картину, это кара божья...

Ваня принимает театральные позы в зависимости от смысла фразы. Теперь сидит обхватив голову руками.

– Ты же сам на даче говорил, что художник нарисовал картину для тебя.

Ваня не обратил внимания на мое замечание и произнес серьезно:

– Надо идти к тете Ире...

– Ясновидящая эта, что ли? – иронично уточнил я.

– Она у Иисуса Христа была на приеме, – строго произнес Ваня, и я снова услышал знакомые поучительные интонации.

Шутки шутками, а выбор у нас невелик. Все равно делать нечего, развлечений никаких, можно и к ясновидящей смотаться. Тем более я эту особу никогда не видел.

Нашли в маминой записной книжке телефон. Я набрал номер.

– Слушаю вас, – раздался низкий женский голос в трубке.

* * *

Через несколько месяцев после рождения Вани я начал испытывать сильнейшую черную зависть к тем, у кого здоровые дети. Я смотрел на беременных и надеялся, что у них тоже родится инвалид. Даун, кретин или хотя бы олигофрен. Я не хотел оставаться один со своей долей. У всех, как назло, дела шли прекрасно. Детки рождались отборные. Они розовели и подрастали. Друзья только и делали, что показывали фотографии, хвастали, что их малыш начал ходить, уже снимается в рекламе, учится в английской спецшколе и пиликает гаммы на скрипке...

Я долго не мог заснуть, за окном завывала собака, прошла компания пьяных, выкрикивающих невнятные слова дурными голосами. Процокали одинокие каблуки, стихнув в арке.

Сколько мы ни пытаемся вылезти из-под влияния родителей, ничего не выходит. Вот и я лежу в родительской кровати, выполняю взятые ими по отношению к Ване обязательства и собираюсь идти к маминой ясновидящей.

По потолку в белых отсветах фар пробежали прямоугольные тени оконных рам и причудливая паутина ветвей деревьев. Во двор заехала машина с гулко бьющей внутри электронной музыкой. Что за идиот, все же спят! Наверняка «Лада» с темными стеклами, синими неоновыми огоньками и поднятым на гоночный манер задом. Музыка становится заметно громче – открыли дверцу. Закутываю голову одеялом, не помогает. Вскрываю, бросаюсь к окну, дергаю створки. Угадал, «Лада»! Стоит у подъезда с включенными фарами. Ну, я тебе сейчас... «Эй, ты! Сделай потише! – крик уже рвется из глотки. А не прибавить ли «козел»? – Эй, козел, сделай потише!»! Пальцы дергают шпингалеты...

Из подъезда вышла девушка, села в «Ладу», хлопнула дверцей, музыка стала удаляться.

- Козлы! Гады! - ору, надрываясь, в пустоту двора.

Даже обматерить себя не дали...

Приехал мусороуборочный «КамАЗ». Железные баки с бутылочным грохотом опорожняются в оранжевый кузов. Прозвякал цепью-заземлителем тока, волочащейся по асфальту, первый троллейбус. Уже утро...

А Бог? Теперь, когда ответственность за сына целиком легла на меня, когда пришлось оставить карьеру, личную жизнь, я перестал предъявлять претензии Богу. Просто я больше на него не надеюсь. Бог для меня стал чем-то вроде персонажа историй о секретных обществах, магических книгах и тайных знаниях. Все эти мифы существуют только потому, что людям слишком страшно принять правду. Факт, что ничего после смерти нет. НИЧЕГО. Я засыпаю.

* * *

Проснулся с ощущением весны. На улице чирикают воробьи, царит особенный мартовский гам. Прошлепал босыми ногами к окну. Погода продолжает удивлять. Под мостом маются без дела снегоуборочные машины. На площадке детского сада щебечут малыши, выведенные воспитательницами на прогулку. Цветные комбинезоны-карапузы скачут по лесенкам, съезжают с горок, застревают между прутьями забора, колошматят друг друга игрушечными лопатками. Один в комбинезончике леопардовой расцветки поднял урну величиной с себя, силясь надеть ее на голову. Воспитательницы, две молоденькие девицы, курят на скамейке, не мешая детям играть.

В ванной слышен плеск. По средам, а сегодня среда, Ваня купается.

- Привет! - заглядываю в приоткрытую дверь.

- Доброе утро! - радостно кричит Ваня, сидящий в бирюзовой воде.

Кто-то однажды сказал маме, что медный купорос в небольших дозах убивает микробов не только на растениях, но и на человеке. Мама микробов ненавидела. Однажды после Нового года она, пожалев оставшийся в рюмках и бокалах алкоголь, вылила его в цветы. Водка и вино содержат углеводы, они питательны, а значит, полезны растениям, рассудила мама. Но главное, алкоголь убивает микробов.

Цветы завяли еще до Рождества. Мама свою вину не признала, сославшись на плохую энергетику гостей и какие-то ошибки в пропорциях, допущенные из-за того, что папа говорил под руку. Рискованные эксперименты ставились регулярно, в основном не на цветах, а на нас с отцом, а потом и на Ване. Впрочем, мы от этого не умирали, а становились только крепче. Купорос был, пожалуй, самой безобидной из маминых выдумок. Больное горло она лечила керосином, мигрень – пассами рук.

Когда я был ребенком, мама сажала меня в ванну, высыпав в воду горсть кристаллов медного купороса. Гранулы шли на дно, оставляя ярко-синие следы. Казалось, в воде курятся магические благовония, выпускающие бирюзовый дым. Я обожал этот бассейнный цвет юга и долгое время полагал, что ярко-синие ванны – норма жизни каждого ребенка.

Время шло, список маминых методов борьбы за здоровье обновлялся, но кое-какие истины оказались незыблемы. В том числе и меднокупоросные ванны. Кроме уничтожения микробов этот полезный элемент еще и восполнял недостаток меди в организме. Я вырос, мама взялась за Ваню. Запасы купороса оказались весьма обширными.

Мама нуждалась в последователях. Отец всегда отлынивал от ее диет, обрядов, язвил по поводу ясновидящей. Я тоже не шел с ней в ногу. В итоге идеальным учеником оказался Ваня. Мама получила, что хотела. Ваня доверял ей во всем: читал те молитвы, которые она указывала, делал специальную зарядку, развивающую связь с космосом. Теперь его белое тельце торчит из синей воды, он играет с обкусанным пластмассовым утенком. Синяя вода – второе после индийского ковра яркое пятно в окружающем мире.

– Когда новый медный купорос будет? – задал Ваня неожиданный вопрос. Я поднял некогда тяжелый пакет, осмотрел его и понял: грядет купоросный кризис. Запасы, казавшиеся неиссякаемыми, конечны, как и их хозяйка.

– Когда... скоро. Я знаю, где его взять, – на самом деле ничего я не знаю. Мать добывала купорос, пользуясь статусом сотрудницы химинститута. – Будет тебе медный купорос, достанем.

Под низким небом город выглядит серым и безрадостным.

– Папа, когда будет солнце?

– Сегодня у ясновидящей спросишь.

* * *

В одном вагоне с нами ехали глухонемые школьники. Целый класс. Они активно общались друг с другом языком жестов. Человек двадцать болтали наперебой, не произнося ни звука. Только легкий шорох пальцев носился в воздухе. Странное ощущение: люди перед тобой шутят, рассказывают о первых поцелуях, хвастаются новыми мобильниками, и все это без единого слова.

– А почему они так делают? – спросил Ваня.

– Они так разговаривают, – раздраженным шепотом ответил я. Мне показалось, что Ваня слишком громко говорит и чересчур откровенно таращится на глухонемых.

– Они не умеют говорить, как нормальные люди? – Ваня прибавил громкости голосу, решив, что я его плохо слышу.

Женщина с копной крашенных завитков на голове окинула нас строгим взглядом.

– Тише, Вань! Неприлично обсуждать других в их присутствии.

– Они не умеют говорить! Ха-ха-ха! – разошелся Ваня.

Некоторые глухонемые оказались только немыми, но вовсе не глухими. Они обернулись. На нас стали коситься и другие, «нормальные» пассажиры.

– Выходим... – вытолкал Ваню из вагона на ближайшей станции. – Как не стыдно смеяться над больными! Это тупо и отвратительно!

– Мне можно, я тупой, у меня синдром Дауна!

– Нашел оправдание! Надо уважать других! У всех есть недостатки! Ты не только себя позоришь, но и меня!

– Я больше не буду. Прости меня... – Ваня надулся, вот-вот заревет.

– Синдром Дауна у него, видите ли! Благодарен мне должен быть, что я с тобой цацкаюсь, а он характер показывает. Научись вести себя как нормальный человек!

– Я нормальный! Я нормальный! – взвизгнул Ваня, слезы и сопли хлынули из него рекой.

Найдя платок, я принялся утирать ему физиономию. Грубо, причиняя боль. Почти бью его рукой с платком. Чего он все время ревет! Очень быстро мне становится жаль его и стыдно за себя. На нас оглядываются все идущие мимо без исключения. Плевать! Пусть хоть кресла поставят и усядутся в ряд.

– Извини, Вань, слышишь? Извини, ты здоровый, это я так сказал, по глупости... – оправдываюсь я. – Ты мой хороший, я тебя люблю...

* * *

На гранитном полу конечной станции валялась зеленая крышечка от газировки. Ваня ударил по ней ногой, крышечка отлетела ко мне. Я сделал обманное движение, настоящий Зидан перед бразильскими воротами, и пробил Ване. Он пропустил, урча и смеясь от удовольствия, побежал за крышечкой. Она покатила навстречу милиционеру с усами. Тот строго посмотрел на нас и сделал точный пас Ване.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/aleksandr-snegirev/neftyanaya-venera/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandr-snegiryov/neftyanaya-venera-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)